

Введение

Формы абсолютистских монархий европейских государств столь различны, что современный исследователь Н. Хеншелл даже ставит под сомнение само существование обобщающего понятия «европейский абсолютизм». ¹ Специфика московского самодержавия XVII в. связана, в первую очередь, с проблемой его типологии. ² Сопоставление Земских соборов и парламентов, приказных людей и бюрократии, так называемых полков иноземного строя и регулярной армии и т. д. приводит одних исследователей к выводу о типологической близости самодержавия и европейских абсолютистских государств, ³ других – к оценке самодержавия как формы восточной деспотии. ⁴ Существует также мнение об уникальности московского самодержавия как формы монархии, свойственной одной лишь России. ⁵

Проблема сущности и специфики самодержавия XVII в. может получить дальнейшее разрешение, если отойти от традиционного институционального подхода, недостатки которого связаны с тем, что институты государственной власти рассматриваются как самодостаточные явления в отрыве от других сторон политической жизни. В этой связи детальное изучение политической и придворной истории России XVII в. становится актуальной исследовательской задачей. Необходимо соединить анализ институтов власти и изучение исторических практик осуществления власти. В отличие от институционального такой подход можно назвать функциональным. ⁶ Вряд ли стоит противопоставлять их друг другу, поскольку перспективнее попытаться соединить анализ институтов власти и управления с изучением практики их функционирования.

¹ Хеншелл Николас. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003.

² Обзор историографических проблем истории самодержавия XVII в. см.: Кристенсен Свен Оге. История России XVII в.: Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 32–46 и сл.; Crummeу Robert O. Seventeenth-Century Russia: Theories and Models // Von Moskau nach St. Petersburg. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. P. 113–131.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в XVII в. М., 1955; Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. I–II; Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994 и др.

⁴ Павлова-Сильванская М. Н. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4; Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 83–91.

⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

⁶ Об институциональном и функциональном подходах см.: Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // ИЗ. М., 2001. Т. IV (122). С. 370–397.

Абсолютизм XVII–XVIII вв. является исторически определенной формой европейских монархий, обеспечивающей мобилизацию ресурсов государства при переходе от Средневековья к Новому времени. В этом смысле перед московским самодержавием XVII в., как и другими европейскими монархиями, стояли схожие задачи, однако их осуществление протекало в других условиях. Московское государство XVII в. не могло позволить себе полное содержание за счет казны многочисленной бюрократии и регулярной армии. Более того, необходимость мобилизации огромных ресурсов заставила российское самодержавие использовать типично средневековые способы, в том числе и крепостное право, для решения задач Нового времени.

Принципиальное значение для политической истории европейских монархий XVII в. имеет вопрос о взаимодействии монарха и знати. Известный тезис об усилении самодержавной власти как ведущей политической тенденции XVII в. несколько заслонил тот факт, что на протяжении всего столетия Россией правили юные и несамостоятельные государи. От имени молодого Михаила Федоровича управляли сначала его мать старица Марфа и бояре Салтыковы, а затем – патриарх Филарет. Первый самодержец из династии Романовых не смог настоять даже на свадьбе со своей избранницей Марией Хлоповой. В конце царствования Михаил Федорович перепоручил управление страной влиятельным боярам Ф. И. Шереметеву и кн. И. Б. Черкасскому.

Следующий государь – Алексей Михайлович также взшел на престол в юном возрасте. Вслед за периодом всевластия боярина Б. И. Морозова последовали годы патриаршества властолюбивого Никона. Только с середины 1650-х гг. Алексей Михайлович берет правление в свои руки. Последние двадцать лет его царствования – единственный период во всем XVII в., когда царь на деле сам правил страной.

Конец столетия, к которому в первую очередь относится укorenившийся в историографии тезис об укреплении власти российских самодержцев, был чередой правления юных царей. Болезненный Федор Алексеевич умер в двадцать лет, и ему на смену в обход существовавшей традиции придворные посадили десятилетнего Петра. Совместное правление юного Петра и его недееспособного сводного брата Ивана продлило период, когда государи царствовали, но не правили. С падением режима регентства Петр также не занимался управлением страной вплоть до азовских походов. Юноша на троне – вот образ московского самодержца конца XVII в., и в этом смысле царствование Федора Алексеевича не является особым, а, скорее наоборот, типичным для всего XVII в.

В рамках институционального подхода усиление самодержавия обычно связывают с созданием приказа Тайных дел (органа личного контроля царя за всей системой управления), Монастырского приказа (органа контроля светской власти над церковью), затуханием соборной практики. При этом упускается из виду, что приказ Тайных дел исчез со смертью Алексея Михайловича в 1676 г. Монастырский приказ был ликвидирован в 1677 г., а в 1680-х гг. вновь стали собирать Земские соборы. Таким образом, остается открытым вопрос: как же стало возможным усиление самодержавия в конце XVII в., если самодержцы были молоды, больны и неопытны? Юный государь не обладает, по крайней мере, одним качеством – способностью эффективно управлять правящей элитой.

При малолетних государях XVII в. бремя правления лежало на Боярской думе. На протяжении XVII в. боярство не «исчезало» и не «растворялось», а, напротив, набирало силу. Это усиление знати и было важнейшей составной частью усиления самодержавной власти. По мнению П. Андерсона и Р. Крами, большая роль знати в системе зарождающегося абсолютизма была характерна в XVII в. для ряда монархий Центральной и Восточной Европы: Австрии, Пруссии, России и Речи Посполитой.⁷

Предметом данного исследования является изучение структуры и повседневной жизни царского двора в конце правления царя Алексея Михайловича и в годы царствования его сына Федора Алексеевича.

Центральное значение для политической истории России XVII в. имеют документы Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210). Неопубликованные разрядные записи, текущая документация позволяют проследить день за днем события при дворе, установить важнейшие служебные назначения. Боярские списки и боярские книги, содержащие сведения о составе московских чинов, использованы не только применительно к самым важным чинам – думным и ближним людям, но и ко всем прочим членам «государева двора». Пожалование в стряпчие, конечно же, было менее существенным фактом, чем раздача боярских чинов, но зато более чувствительным к малейшим изменениям придворной конъюнктуры. Поэтому при изложении событий учитывалась вся совокупность пожалований в московские чины.⁸

В результате просмотра столбцов Разрядного приказа за время царствования Федора Алексеевича автором выявлены десятки писем думных и ближних людей друг другу, большая часть которых не зафиксирована в описаниях фонда. Несколько подобных писем обнаружены в документах Посольского и дворцовых приказов. Эта переписка отражает практику управления Московской Руси через личное поручение царя. В отличие от официальных памятей, которыми сносились между собой приказы, эти письма носили полуофициальный характер: корреспонденты обращались друг к другу по имени и отчеству и сообщали о текущих делах управления. Часть писем сохранялась среди приказных дел, поскольку они служили формальным основанием для исполнения изложенных в них поручений. Приказная переписка, которая впервые вводится здесь в научный оборот как комплекс материалов по политической истории XVII в., позволяет проследить принятие важней-

⁷ *Anderson Perry*. Lineages of the Absolute State. London, 1974; *Crummey Robert O*. Seventeenth-Century Russia: Theories and Models // Von Moskau nach St. Petersburg. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000.

⁸ Когда данная работа была уже выполнена, вышло исследование Маршалла По, в котором систематизированы сведения о думных чинах XVII в. Отныне капитальный труд М. По может использоваться как справочник по пожалованиям в Думу XVII в. Впрочем, сведения о думных пожалованиях здесь не лишены ряда неточностей. Например, Б. М. Хитрово показан пожалованным в бояре, окольничие и дворецкие – в 1678/79 г., тогда как в боярских списках указана другая дата 22 июня 1676 г. У А. С. Матвеева после пожалования в бояре 8 октября 1674 г. показана «опала (1681/82 г.?)», между тем хорошо известно, что А. С. Матвеев был разжалован из бояр в московские дворяне 17 мая 1677 г., а 27 апреля 1682 г., наоборот, вновь пожалован в бояре. А. Т. и М. Т. Лихачевы одновременно показаны у М. По стряпчими с ключом в 1676 г., а в действительности А. Т. Лихачев никогда не занимал эту должность, а был стряпчим «у крюка» в Комнате с 20 февраля 1676 г. и спальником «у крюка» в Комнате с 15 августа 1676 г. Странными выглядят сведения о том, что боярин кн. Я. Н. Одосевский умер в 1696 г., а похоронен 9 сентября 1697 г. и т. п. (*Poe Marshall T*. The Russian elite in the seventeenth century. Vammala, 2004. Vol. 1. P. 416, 421, 431, 457; РГАДА. Ф. 210, Боярские списки, № 14. Л. 2, 222, 230 об.; Московский ст. Стб. 522. Л. 581, 1040; *Саловьев С. М.* История России. Кн. VII. С. 309). Поэтому автор счел возможным сохранить ссылки не на исследование М. По, а на источники.

ших государственных решений, выявить скрытые пружины осуществления власти.

Систематические сведения обо всех грамотах, запечатанных царской печатью, отложились в записных книгах Печатного приказа (РГАДА. Ф. 233). Нами учтены все сведения беспошлинных книг (для думных чинов, высших иерархов церкви и командиров московских стрельцов) и частично – пошлинных книг (для московских чинов).

Документация Аптекарского приказа (РГАДА. Ф. 143) позволяет привлечь сведения о состоянии здоровья членов царской семьи, думных и многих московских чинов. Большинство думных людей были людьми зрелого и преклонного возраста, и состояние их здоровья играло подчас решающую роль в политической истории.

Исключительно важное значение для данной работы имеют документы дворцовых ведомств (РГАДА. Ф. 396): Казенного приказа, Царской и Царицыной мастерских палат. Эти материалы были скрупулезно изучены блестящим знатоком московских древностей И. Е. Забелиным. Ученого интересовали в первую очередь типичные проявления старомосковского быта, и множество деталей политической и придворной жизни, отраженных в приходо-расходных книгах и столбцах этих ведомств, осталось за рамками его фундаментальных исследований «Домашний быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц». Особенностью подхода И. Е. Забелина к документам дворцовых приказов было воссоздание реалий XVII в. через описание предметов одежды, быта, дворцовых помещений и т. д. В данной работе эти документы рассмотрены в первую очередь как источники сведений об участниках придворной жизни. Если И. Е. Забелина интересовала преимущественно бытовая сторона придворной жизни, то для нас наиболее важными были события, связанные с участвовавшими в ней людьми.

В книге учтены по возможности все сведения о придворных и думных чинах, содержащиеся в обширной документации дворцовых приказов изучаемого периода. Тысячи датированных упоминаний об объявлении указов царя, о взносе и приеме вещей в палатах дворца, о раздаче царской милости в виде денег, одежды, сукон, мехов и украшений позволяют полнее представить повседневную жизнь дворца, выявить круг наиболее доверенных лиц. Документы дворцовых ведомств содержат живые детали придворной жизни и в какой-то степени позволяют восполнить характерный для Московской Руси недостаток воспоминаний современников и дневников. В работе использованы также и другие новые источники из фондов Поместного, Посольского, патриарших и других приказов.

Богатый материал для политической истории XVII в. сохранился в монастырских фондах. Приходо-расходные книги московских подворий монастырей и епархиальных владык и, в особенности, отписки монастырских и епархиальных страпчих своим властям о московских делах почти не использовались как источник по политической и придворной истории Московской Руси. Этот массовый материал в наиболее полном виде сохранился в фонде Иверского Валдайского монастыря: только за период 1670–1682 гг. в фонде отложились несколько тысяч листов с описанием московских новостей (Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1).⁴ В работе использованы аналогичные материалы Соловецкого, Антониево-Сийского, Успенского Тихвинского, Нижегородского Печерского монастырей, нов-

городского митрополичьего дома и вологодской архиепископской кафедры. Живые подробности политической жизни, сообщаемые в монастырских отписках, – еще одно средство преодолеть недостаток дневников и воспоминаний.

Ценным источником по политической истории являются донесения иностранных резидентов из Москвы. Недоступные нам донесения датских и шведских дипломатов использованы в данной работе частично по работам Г. В. Форстена, Ю. Н. Щербачева, Х. Эллерсика и П. Бушковича,⁹ а самые значительные по объему донесения нидерландского резидента в Москве И. Келлера – полностью.¹⁰ Дополнительные сведения о событиях в России в конце XVII в. содержатся в отчетах анонимного корреспондента «Лондонской газеты» из Москвы.¹¹ Ценность иностранных источников состоит в первую очередь в том, что они дают иной угол зрения на русское общество, нежели отечественные источники.

* * *

Эта книга не смогла бы появиться на свет без Руслана Григорьевича Скрынникова – моего учителя, который подвигнул меня на занятие данной темой. В работе над книгой мне неизменно помогали поддержка и обмен мнениями с коллегами Отдела древней истории России С.-Петербургского Института истории РАН: Е. В. Анисимовым, В. Г. Вовиной-Лебедевой, З. В. Дмитриевой, Л. И. Ивиной, А. П. Павловым, В. М. Паняхом, М. Б. Свердловым. С искренней благодарностью вспоминаю также ценные советы Ю. Г. Алексеева, О. Е. Кошелевой и Ю. М. Эскина. Отдельную признательность выражаю сотрудникам Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН В. Н. Гиневу, Г. А. Победимовой, О. А. Абеленцевой, Т. А. Базаровой, Ю. Б. Фоминой и А. В. Чирковой, а также сотрудникам РГАДА С. Р. Долговой, А. В. Антонову, А. И. Гамаюнову, А. В. Малову, помогавшим мне в архивных изысканиях. И, наконец, выражаю любовь и признательность моей семье, прежде всего жене, чьи советы и помощь были неоценимы.

⁹ Форстен Г. В. 1) Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1667–1700) // ЖМНП. 1899. № 9; 2) Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1904. № 9, 11; Щербачев Ю. Н. Из донесений первого датского резидента в Москве (1672–1676 гг.) // Чтения ОИДР. 1917. Кн. 2. Отд. 2. С. 32–42; *Ellersieck Heinz E. Russia under Aleksei Mikhaïlovich and Feodor Alekseevich; Bushkovitch Paul. Peter The Great.*

¹⁰ Архив СПбИИ. Кол. 40. Оп. 1. № 56 и 57. За период 1676 – апрель 1682 гг. сохранилось 149 донесений И. Келлера во французском переводе XIX в. В книге французский текст приводится в нашем переводе на русский язык. Анализ донесений И. Келлера посвящено специальное исследование (Белов М. Нидерландский резидент в Москве барон Иоаган Келлер и его письма. Рукопись канд. дисс. Л., 1947).

¹¹ Возможно, этим корреспондентом был Патрик Гордон. Пользуясь случаем поблагодарить Г. Херда, любезно предоставившего нам содержащиеся в «Лондонской газете» сведения по русской истории второй половины XVII в.

Часть I

**ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Глава 1

«ЦАРЬ УКАЗАЛ, И БОЯРЕ ПРИГОВОРИЛИ» (практика государственного управления во второй половине XVII в.)

1.1. Боярская дума

В Соборном уложении 1649 г. совет царя с боярами определен весьма кратко: спорные дела «вносить ис приказов в доклад к государю <...> и к его государевым бояром, и околничим, и думным людем», которым «сидеть в полате» и «всякие дела делать всем вместе» (гл. X. Ст. 2). Эта статья не разграничивала судебную деятельность царя и Думы, что неизбежно означало неразделенность и важнейших управленческих функций, поскольку в средневековой Руси, как известно, судить значило управлять, и наоборот. Проблема состоит в том, как на практике осуществлялась эта норма закона.

Для ответа на этот вопрос А. Г. Маньков предпринял попытку установить число царских указов и боярских приговоров. Соотношение законодательных актов, изданных только от имени царя («именные указы»), царем вместе с Думой («царь указал, и бояре приговорили») и самостоятельно Думой («по указу великого государя бояре приговорили»), привело исследователя к выводу о решительном преобладании общего числа именных указов над приговорами Думы: 746 именных указов, 364 именных указа с боярским приговором, 75 боярских приговоров. Иную картину дают подсчеты А. Г. Манькова в области землевладения: боярские приговоры не только преобладают над именными указами, но и соотношение их с именными указами на протяжении XVII в. меняется в пользу первых. Дума «еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги», – пишет А. Г. Маньков.¹

¹ Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 17, 31. По признанию А. Г. Манькова, подсчеты именных указов и боярских приговоров по публикации в ПСЗ носят предварительный характер. Действительно, количество сохранившихся именных указов и боярских приговоров во много раз превышает число опубликованных в ПСЗ.

Соглашаясь с этим общим выводом, отметим, что историки права часто противопоставляют именные царские указы и боярские приговоры. Подсчеты количества именных указов и боярских приговоров имеют право на существование, но они несколько искажают реалии XVII в. Суть вопроса состоит не в противопоставлении боярских приговоров царским указам, а в выяснении форм взаимодействия самодержца с его советниками. Эти различные по форме постановления были проявлением общего для них источника власти – совместного правления царя и Думы: «царь указал, и бояре приговорили». Без Думы самодержавие XVII в. не имело средств быть властью. Именные царские указы часто относились к более мелким вопросам, а едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именной царский указ вовсе не означал, что думные люди никак не участвовали в его создании. Принимая решение, царь советовался с думными людьми, приказными судьями, которые и докладывали ему о текущих делах. В то же время боярский приговор не мог противоречить воле царя: он и оформлен был от его имени: «по указу великого государя бояре приговорили».

Уникальную возможность представить значение Боярской думы первой половины XVII в. дает обнаруженный Ю. М. Эскиным ответ думных людей 1633 г. на послание шведского риксдага. Послание из Москвы скрепили своими печатями 16 бояр и окольничих из 17, находившихся в это время в столице. Печати расположены на грамоте в соответствии с реальным старшинством в Думе. По мнению Ю. М. Эскина, этот документ «подтверждает большое значение Боярской думы», поскольку печати «всех бояр» «стали альтернативой царской печати».² Такая замена была возможна именно в связи с представлениями о нерасчлененности государя и его Думы.

Новые данные из фонда Разрядного приказа позволяют более конкретно представить облик Думы и характер ее деятельности во второй половине XVII в. Известны случаи созыва полного состава Думы. 4 марта 1674 г. спальник Ив. Д. Голохвастов писал думному дьяку С. С. Титову: «Великий государь указал бояром съезжатца к себе, государю, вверх комнатным и некомнатным и околничим, и думным людям всем сего числа в 2-м часу дни». Рядом с письмом сохранился список улиц, куда были посланы подьячие для оповещения думцев, отдельный подьячий был отправлен «по приказам к думным дьяком».³ Созвано было по крайней мере несколько думных дьяков.

Аналогичную ситуацию фиксирует разрядная запись 10 июля 1679 г., когда были «посланы из Розряду к бояром и к околничим и к думным людям подьячие». Далее в записи дан именной перечень 56 думцев с указанием улиц, где они жили.⁴ В обоих случаях неясно, для чего именно созывали «всех» думных людей. На 10 июля 1679 г. приходился праздник Ризы Господней, государь в этот день был в Успенском соборе, а за ним были «бояре, околничие и думные

² Эскин Ю. М. Шестнадцать боярских печатей // Родина. 1997. № 10. С. 47–49; Печати членов Боярской Думы в 1633 г. к истории «предгеральдики» // *Russia mediaevalis*. Т. X, 1. Р. 205–220.

³ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 440. Л. 114–115. Аналогичное письмо (без адресата) о созыве думных людей со списком улиц, где они жили, сохранилось от 21 февраля 1676 г.: «Пошли сесь тотчас ко всем бояром х комнатным и не х комнатным и к околничим и к думным людям, чтоб утрсе были вверх на первом часу дни» (Там же. Стб. 503. Л. 304, 306).

⁴ 28 бояр, 14 окольничих, 1 кравчий, 1 постельничий, 5 думных дворян, 1 печатник, 6 думных дьяков (Там же. Стб. 563. Столпик 2. Л. 118–124).

и ближние люди» и прочие чины.⁵ Источники не позволяют однозначно утверждать, чем занимались столь полные собрания думцев, находившихся в Москве: обсуждали ли они какие-то вопросы или носили исключительно парадный характер? Это не лишает их значимости, поскольку придворным и церковным церемониям в Московской Руси отводилась важная роль. Под соборным деянием об отмене местничества 12 января 1682 г. стоят подписи почти всех думных чинов⁶ – еще один пример участия Думы в полном составе и опять в ситуации парадной торжественности.

Повседневная работа Думы протекала по-иному. Сохранилась разрядная записка царского указа 28 ноября 1669 г.: царь «указал к бояром в Золотую палату дела взносить к слушанью и вершенью ис приказов: в понедельник – из Розряду, ис Посолского приказу; во вторник – из Болшие казны, из Болшого приходу; в среду – из Казанского дворца, ис Помесного; в четверток – из приказу Болшого дворца, из Сибирского; в пяток – из Судных приказов, из Володимерского, из Московского». Внизу другим почерком приписано: «Записать сей великого государя указ в книгу нынешнего 178-го году».⁷ Этот указ естественно сопоставить с находящимся в этом же столбце списком 20 думцев,⁸ внизу которого написано: «По указу великого государя велено им сказать, чтоб они с сего декабря 7-го числа ездили вверх дел слушать на 1-м часу дни».⁹ Полагаем, что перед нами список думцев, назначенных к рассмотрению спорных дел из приказов, и распорядок их деятельности на одну из недель. В отличие от собрания 4 марта 1674 г. заседания ноября–декабря 1669 г. включали только одного думного дьяка из шести. Видимо, этого было достаточно для записи приговоров Думы.

В ноябре 1669 г. в Думе (без учета ближних людей) было 64 человека.¹⁰ По пометам боярских списков можно установить, что по крайней мере 24 думца на этот момент отсутствовали в Москве.¹¹ Для сравнения отметим,

⁵ ДР. Т. IV. Стб. 87; Выходы. С. 671.

⁶ СРГД. Ч. IV. № 130. См. также: *Седов П. В.* К изучению источников по истории отмены местничества // ВИД. СПб., 1998. Т. XXVI. С. 221.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 272. Аналогичный указ («ис приказов судьям, дела которых им в приказахх вершить немочно, взносить к бояром для вершенья поденно») относится к 4–11 августа 1676 г.; с понедельника по пятницу следовало рассмотреть спорные дела из 27 приказов. Указ завершается распоряжением «посылать в те приказы с вестью за день до того числа, в которые ис которого приказу з делами вверх быть» (Там же. Стб. 501. Л. 553–554. Имется также публикация этого указа, но с несколько другим списком приказов: ПСЗ. Т. II. № 656).

⁸ В списке указаны только инициалы, но они без труда поддаются расшифровке: думные люди перечислены по чинам строго по порядку боярского списка (так же, как они сидели в Думе): бояре кн. Н. И. Одосвский, кн. Ю. А. Долгоруков, кн. И. А. Хилков, кн. В. Г. Ромодановский, кн. Г. С. Черкасский, П. М. Салтыков, кн. Я. Н. Одоевский, Б. М. Хитрово, окольничие кн. Б. И. Троскуров, И. Ф. Стрешнев Большой, С. А. Измайлов, Р. М. Стрешнев, И. М. Милославский (его инициалы в списке зачеркнуты), казначей А. С. Нарбсков, думные дворяне П. К. Елизаров, Г. М. Аничков, И. А. Прончищев, С. И. Заборовский, И. Б. Хитрово, Л. Д. Лопухин, думный дьяк Г. С. Дохтуров.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 173.

¹⁰ 24 боярина (не считая гетмана И. М. Брюховецкого, постоянно находившегося на Украине), 16 окольничих, 17 думных дворян, 6 думных дьяков.

¹¹ На восводствах находились в это время 6 бояр, 7 окольничих, 9 думных дворян; 1 боярин был в посольстве и еще один – в плену (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 5. Л. 1–5; № 6. Л. 1–4 об.). Не имеем данных о нахождении в это время 15 человек: 9 бояр, 4 окольничих, 2 думных дворян. Некоторые из престарелых бояр могли не присутствовать по состоянию здоровья. Например, отсутствовавший боярин кн. Б. А. Рспнин умер 17 мая 1670 г., а кн. И. П. Пронский получил 22 декабря 1669 г. 200 руб. на погребение своей жены (Там же. № 6. Л. 1; Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 1250). По обычаю некоторые думные люди отпрашивались у государя для поездок в монастыри, свои поместья и вотчины.

что к 20 апреля 1670 г. для участия в пасхальных действиях был проведен учет всех съехавшихся в Москву «на Велик день» думных людей. Их оказалось «налицо» 32 человека: 14 бояр, 11 окольничих, печатник, 6 думных дьяков.¹² Таким образом, в декабре 1669 г. к слушанию дел из приказов была привлечена треть общего числа думных людей, т. е. две трети думцев, реально находившихся в столице. В состав комиссии, назначенной «сидеть» за приказными делами, не вошли занятые придворными обязанностями боярин и дворецкий Б. М. Хитрово, дядьки только что умершего царевича Алексея (боярин кн. И. П. Пронский, окольничий Ф. М. Ртищев) и дядьки царевича Федора (боярин кн. Ф. Ф. Куракин и думный дворянин И. Б. Хитрово). Освобождение думных людей, постоянно занятых дворцовой службой, от ежедневного рассмотрения спорных дел из приказов отражает разделение собственно придворной и административной службы, которое формально было закреплено только в петровской «Табели о рангах».

В указанном выше разрядном столбце находим результаты проверки работы приказов. 15 декабря 1669 г. подьячие обошли 22 приказа за час до указного времени их закрытия. В большинстве из них к концу рабочего дня («в 6-м часу ночи») еще сидели судьи, а в шести – «нет никого». На следующий день «в 7-м часу ночи» подьячие вновь обошли приказы и подали сказки, что «во всех приказах начальные люди сидят». Эти обходы были произведены также вечером 17 и 18 декабря и показали, что после проверок все приказные люди находятся на своих служебных местах.¹³

26 ноября 1679 г. распорядок деятельности приказов был объявлен с учетом традиционного обеденного перерыва.¹⁴ Систематическое объявление указов о времени работы Думы и приказов было связано с особенностями существовавшей в то время системы определения времени: первый час дня начинался с восходом, а первый час ночи – с закатом солнца. Поэтому часы работы присутственных мест несколько раз в год обновлялись.

Уезжая из Москвы, царь мог поручить оставшемуся в столице составу Думы разбирать спорные дела из приказов и любые другие вопросы. 17 мая 1675 г. «сидели бояре без Великого Государя в столовой избе все, и околничие, и думные дворяне и думные дьяки за ево Великого Государя делами, за служивыми и за приказными, а Великий Государь был в походе, и многие дела приказные челобитчиковы вершили».¹⁵ Вновь покидая Москву 24 мая, царь

Например, назначенный слушать дела из приказов думный дьяк С. И. Заборовский только что вернулся в Москву: 9 октября 1669 г. он был отпущен «в деревню октября с 10-го числа впредь на две недели» (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 162).

¹² Там же. Л. 707.

¹³ Там же. Л. 214–220, 249–251, 443. В московской приказной практике отсутствующих на своих местах приказных могли наказывать и рублем. В записной книге Аптекарского приказа сохранились указы на этот счет. В 1674/75 г. указано у служащих приказа, если «с 2 часа по 7-й час дни не побудут», вычитать: у иноземцов по рублю на день, а у русских – по полтинку, у учеников – по 2 гривны или бить батогами. 3 июня 1678 г. эти штрафы были уменьшены вдвое (Там же. Ф. 143. Оп. 2. № 1315. Л. 17 об., 18).

¹⁴ «Бояром и околничим, и думным людем, и дьяком, которые ведают приказы, с сего числа в приказы присезжать с утра за час до дня, а ис приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказы присезжать в первом часу ночи, а ис приказов выезжать в седмом часу, и сесь свой государев указ о том в Розряде записать в книгу. А бояром и околничим и думным людем и дьяком сказать всем, чтоб они о том его государев указ ведали» (Там же. Ф. 210. Московский ст. Стб. 580. Л. 253).

¹⁵ ДР. Т. III. Стб. 1392.

указал «остаться на Москве всем бояром, и околничим, и думным дворяном, и думным дьяком, и ближним людем, и приказным, которые сидят в приказах у его государевых дел и велено им всякие дела делать, в доклад взносить спорные дела к бояром». Думным и приказным людем велено было приезжать к царю в поход «с докладными делами» в понедельник, среду и пятницу «для вершения всяких дел».¹⁶

15 июля 1677 г. ближний боярин кн. М. Ю. Долгоруков писал главе надворной комиссии ближнему боярину кн. Я. Н. Одоевскому: «По указу великого государя изволь послать ко всем бояром комнатным и некомнатным и к околничим, и думным людем, чтоб все утре съехались вверх поранее, а я прислан от великого государя ис походу сего часу с ево государевым делом, а что со мною дел наказано, и то я объявлю по указу великого государя утре всем бояром, изволь, государь, тапер розослать весть ко всем бояром и к околничим, и к думным людем».¹⁷ Это заседание было посвящено походу московских войск к Чигирину 1677 г.¹⁸ Вместе с тем Дума продолжала и свою текущую работу. В этот же день окольничий А. И. Чириков писал Я. Н. Одоевскому о вызове к царю в поход боярина С. А. Хованского и передавал царский указ: «утре дворцовых и иных дел, которые есть» у дворецкого Б. М. Хитрово, «слушать всем бояром и о том приказать повестить из Розряду сего ж числа».¹⁹ Слова «всем бояром» означали не буквально всех, поскольку часть бояр находилась вместе с царем в походе, а тех, кто оставался в Москве, приблизительно те же два десятка думцев, что и в указе 1669 г.

Указы 1669, 1675 и 1676 гг. выделяют среди общего состава Думы определенный круг лиц, сидевших «за приказными делами». Они должны были работать в установленном режиме, их деятельность была увязана с приказами, которые по расписанию представляли дела к этой интенсивно работающей части Думы. Именно такой деятельности Думы посвящена статья Соборного уложения о слушании спорных дел из приказов.

Приказы возникли как отделения Думы, ее канцелярии. Развитие приказной системы в XVII в. меняло и саму Думу. В. О. Ключевский обратил внимание на то, что Дума в XVII в. превращается в собрание приказных судей. Новые данные позволяют конкретнее представить этот процесс. В Думе существовала особая группа, специально назначенная к слушанью спорных дел из приказов, что отражало процесс ее бюрократизации, как рабочего органа государственного управления.

У Думы был и еще один лик, отличный от уже описанных. Известен персональный состав нескольких заседаний избранного круга думцев в царских Комнате и Передней в 1662–1663 гг. В 1662 г. царь «говорил з бояры в Комнате» о статьях посольского наказа в Польшу.²⁰ За небольшими изменениями тот

¹⁶ Там же. Стб. 1409.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 621. Л. 32.

¹⁸ См.: *Седов П. В.* Конц местничества // Российское самодержавие в 2000. С. 95.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 621. Л. 30.

²⁰ Присутствовали: бояре кн. Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, Сков (в этом месте обрыв документа), П. М. Салтыков, окольничие Б. М. дворянин А. Л. Ордин-Нащокин, посольский думный дьяк Л. Д. Лопу Документ обнаружен О. Е. Кошелевой).

же круг лиц заседал с царем в Передней 26 ноября 1662 г.,²¹ 15,²² 20,²³ 24²⁴ июля и в октябре 1663 г.²⁵ Только боярин И. А. Милославский (умер 15 марта 1663 г.) и не имевший думного чина Р. Ф. Боборыкин участвовали лишь в одном заседании. Заседания июля 1663 г. были посвящены делу Никона и, в частности, его конфликту с Боборыкиными, почему последних и пригласили на одно заседание, надо думать, как свидетелей и участников этого дела. Устойчивый персональный состав заседаний избранных думцев 1662–1663 гг., исключительная важность обсуждаемых ими проблем, места заседаний (царская Комната или Передняя) позволяют видеть в них собрания Ближней думы. Она могла засесть с царем как во дворце, так и в походе. 22 июля 1670 г. «указал великий государь к себе государю в село Воробьево быть бояром и окольным комнатным сего числа в десятом часу дня и к ним послать подьячих того часу».²⁶ 18 ноября 1674 г. «было у Великого Государя в селе Преображенском сиденье с бояры о всяких делех; а с ним сидели» 13 чел.²⁷ Ближняя дума в составе 5–11 думцев, собиравшаяся для обсуждения с царем посольских дел в Передней и в Комнате, была типичным явлением.²⁸ Как видим, существовало четкое деление думных людей на «комнатных» и «некомнатных» или, что то же самое, на ближних и неближних. В каждом отдельном случае не требовалось разьяснять, кто входил в Комнату, а кто нет.²⁹

Источники позволяют выделить несколько типов думских собраний: максимально полный состав, скорее всего, парадного характера и для присутствия

²¹ Бояре кн. Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, С. Л. Стрешнев, кн. Ю. А. Долгоруков, И. А. Милославский, П. М. Салтыков, окольныйнич Б. М. Хитрово, Р. М. Стрешнев, И. Ф. Стрешнев, И. М. Милославский, думный дьяк Л. Лопухин, дьяк приказа Тайных дел Д. М. Башмаков (*Белокуров С. А.* Дневальные записки. С. 162).

²² Бояре кн. Н. И. Одоевский, И. Д. Милославский, кн. Ю. А. Долгоруков, С. Л. Стрешнев, П. М. Салтыков, кн. И. А. Хованский, кн. В. Г. Ромодановский, окольныйнич Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, Р. М. Стрешнев, И. Ф. Стрешнев, думный дворянин А. Л. Ордин-Нащокин, казначей А. С. Нарбсков, думные дьяки С. И. Заборовский, А. И. Иванов, московский дворянин Р. Ф. Боборыкин (Там же. С. 182–183).

²³ Бояре кн. Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, кн. Ю. А. Долгоруков, кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, кн. Б. А. Репнин, окольныйнич Б. М. Хитрово, кн. Д. А. Долгоруков, Ф. М. Ртищев, И. Ф. Стрешнев, И. М. Милославский, Ф. К. Елизаров, кн. И. Д. Пожарский, думный дворянин П. К. Елизаров, казначей А. С. Нарбсков, думный дьяк С. И. Заборовский (Там же. С. 184).

²⁴ Бояре кн. Я. К. Черкасский, кн. Н. И. Одоевский, И. Д. Милославский, кн. Б. А. Репнин, кн. Ю. А. Долгоруков, кн. И. А. Хованский, П. М. Салтыков, кн. В. Г. Ромодановский, окольныйнич Б. М. Хитрово, кн. Д. А. Долгоруков, Ф. К. Елизаров, кн. И. Д. Пожарский, И. Ф. и Р. М. Стрешневы, Ф. М. Ртищев, И. М. Милославский, думные дворяне П. К. Елизаров, А. Л. Ордин-Нащокин, казначей А. С. Нарбсков, думные дьяки С. И. Заборовский, А. И. Иванов (Там же. С. 184–185).

²⁵ Бояре кн. Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский, С. Л. Стрешнев, П. М. Салтыков, окольныйнич Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, думный дворянин А. С. Ордин-Нащокин, думный дьяк Л. Лопухин, протокол всл дьяк приказа Тайных дел Д. М. Башмаков (*Заозерский А. И.* Царская вотчина. С. 284).

²⁶ На соседнем листе помещен список улиц, куда посланы подьячие (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 421. Л. 956–957).

²⁷ Бояре кн. Ю. А. Долгоруков, кн. И. А. Воротынский, кн. А. А. Голицын, кн. И. Б. Репнин, Б. М. Хитрово, К. П. Нарышкин, кн. М. Ю. Долгоруков, И. Б. Милославский, А. С. Матвеев, окольныйнич кн. В. Д. Долгоруков, думные дьяки Д. М. Башмаков, Л. И. Иванов, дьяк приказа Тайных дел Д. Л. Полянский (ДР. Т. III. Стб. 1109).

²⁸ О таких заседаниях ближних бояр вместе с царем 1678–1680 гг. с указанием персонального состава см.: *Замысловский Е.* 1) Сношения России со Шведией и Данией. С. 33, примеч. 1; 2) Сношения с Польшей. С. 75; ПДС. СПб., 1858. Т. V. Стб. 695; РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 881. Л. 452–453.

²⁹ Пожалование думного человека в Комнату оформлялось в виде отдельного указа и записывалось в Разрядах (ДДР. Стб. 345; ДР. Т. III. Стб. 1003; *Соловьев С. М.* История России. Кн. VII. С. 307). 27 августа 1675 г. при раздаче пирогов на именины царицы думные люди перечислены двумя списками: ближние и неближние (ДР. Т. III. Стб. 1623–1624).

при решении особо важных вопросов; определенный, более узкий круг лиц, назначенных специальным указом слушать спорные дела из приказов; Комнатная или Ближняя дума из наиболее доверенных лиц – для обсуждения посольских и других дел, требующих сохранения секретности, – хрестоматийное «сам третей у постели».

Во второй половине XVII в. формы думских заседаний похожи то на учреждение с прописанными в законе функциями и неизменным режимом работы, то на собрание нескольких лиц, избранных государем. Разные формы деятельности Думы были проявлением одной и той же ее сущности как высшего законодательного, судебного и распорядительного органа, приспособленного дать совет государю по любому вопросу управления и в любой ситуации.

1.2. Царь и его советники – думные люди

*Без правды боярской
царь Бога прогневит.³⁰*

Взаимоотношение царя и его советников можно рассматривать с разных точек зрения. Отсутствие законодательного ограничения царской власти служит основанием искать в ней черты восточной деспотии. Изучение повседневной практики взаимодействия царя и его думных советников позволяет увидеть то общее, что объединяет российское самодержавие с другими европейскими монархиями. Ю. П. Малинин обратил внимание на то, что государи средневековой Европы, включая и Россию, исходили из христианской традиции совета. Как и любому христианину, государю следовало обращаться за советом к Богу и мудрым людям.³¹ Эти два подхода можно заметить в сочинениях посетивших Россию иностранцев.

Свидетельства иноземцев о царской власти второй половины XVII в. имеют некоторые различия. Курляндец Яков Рейтенфельс жил в Москве в 1671–1673 гг., но не имел доступа в царский дворец. О власти Алексея Михайловича он писал, что она «до того не стеснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо может считаться равною, если не превосходящей, царской власти древних ассирийцев и греков и современных турок, персов и татар».³² Англичанин Самуэль Коллинс прожил при московском дворе девять лет (1659–1669), исполняя должность врача Алексея Михайловича. Его мнение о царской власти основано на личных наблюдениях внутренней дворцовой жизни и более конкретно: царь «не ограничен во власти, но следует, однако же, мнениям совета и в государственных, и в частных делах».³³ Австрийский дипломат барон Августин Мейерберг пробыл в Москве несколько месяцев в 1661–1662 гг., но успел заметить значение бояр, с которыми имел дело: Алексей Михайло-

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. I. С. 121.

³¹ Малинин Ю. П. Средневековый «дух совета» // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 109. Примеч. 4.

³² Рейтенфельс Я. Сказания. 311.

³³ Коллинс С. Нынешнее состояние России. С. 200.